

ДМИТРИЙ КАЗАКОВ

The illustration features a young man with a shocked expression in the foreground, looking back over his shoulder. He has a glowing circular mark on his forehead. Behind him is a large, muscular man with a similar mark on his forehead, and a line of identical figures recedes into the background. The background is a fiery orange and red. The title 'ОКОВЫ РАЗУМА' is written in large, bold, white letters across the bottom half of the cover.

ОКОВЫ РАЗУМА

5

ПЯТЫЙ РИМ

ДМИТРИЙ КАЗАКОВ

ОКОВЫ РАЗУМА

ПЯТЫЙ РИМ
МОСКВА
2018

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К 14

Автор обложки М. Пономарева

Казаков Д.

К 14 Оковы разума. Роман. — М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2018. — С. 352

ISBN 978-5-9908267-4-8

На что ты готов ради того, чтобы твои дети не умерли с голоду?

Согласен ли ты пойти в услужение к жестоким пришельцам, захватившим твою страну за одну ночь? Быть переводчиком при оккупантах, помогать им в делах, что способны вызвать у разумного существа лишь отвращение?

И пойти на установку имплантата, который поможет тебе говорить на языке Чужаков — на таком языке, используя который, ты понемногу, сам того не замечая, начинаешь думать и вести себя не совсем по-человечески...

**УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4**

© Казаков Д. Л., 2018
© Издательство «Пятый
Рим»™, 2018

ISBN 978-5-9908267-4-8

© ООО «Бестселлер», 2018

Границы моего языка
определяют границы моего мира.

Людвиг Витгенштейн

ГЛАВА 1

То утро, когда пришли Чужаки, Ник помнил до конца жизни.

Он проснулся рано, до звонка будильника, поставленного на обычные шесть часов: предрассветная мгла за окнами, темнота в квартире, посапывание жены, тишина и покой, что доживают последние мгновения.

Еще пятнадцать — он глянул на циферблат — да, еще пятнадцать минут, и...

Надо поднимать детей, что безмятежно дрыхнут у себя в комнате, старшего в школу, младшую в садик, жене на работу к первому уроку, да и ему сегодня в университет к девяти... Суета, капризы и жалобы, попытки впихнуть в отпрысков пару ложек каши — обычное утро счастливой семьи.

Но звонка будильника Ник не дождался.

Снаружи громыхнуло с такой силой, что задребезжали стекла, и багровое сияние на миг затопило оконный проем. Хором взвыли сигналки припаркованных на улице автомобилей, и жена зашевелилась, оторвала голову от подушки.

— Что это было? — спросила она хриплым со сна голосом.

— Не знаю. Спи... — ответил он, и не удержался, наклонился, поцеловал ее в щеку.

Жена нежно мурлыкнула, потянулась к нему, и тут громыхнуло второй раз, вроде бы дальше и слабее, но

вспышка оказалась такой яркой, что Ник невольно закрыл глаза рукой.

— Что такое? — повторила Анна, на этот раз с тревогой.

Он сбросил одеяло, ухватил с тумбочки очки и принялся нашаривать тапки.

Если из окон спальни видна только улица, на которой стоит их дом, то из кухни можно разглядеть кусок города до площади Мира, а если днем, то даже западный, высокий берег Дуная с башнями королевского замка и шпилем древнего храма Святой Троицы.

Ник прошел мимо детской спальни, затворив дверь, которую с вечера закрыл не до конца. На кухне под ноги попался кот, решивший, что настало время первого завтрака.

Взяв мохнатую зверюгу по кличке Сервантес на руки, он отдернул штору.

И замер с засевшей в голове мыслью, что еще спит и видит сон...

Уличные фонари не горели, ни единого зажженного окна не было в соседних домах. Город покрывала бы тьма, если бы не ало-желтое зарево, что подсвечивало небо в нескольких местах.

На северо-западе над крышами выстреливали и опадали языки пламени.

— Что там? — голос вошедшей на кухню Анны прозвучал испуганно. — Света нет. Совсем.

— Пожары, и большие, — ответил он, хотя сам не особенно верил своим словам: чтобы вот так синхронно и мощно полыхнуло в разных точках, да еще и со взрывами!?

Что происходит, черт возьми?

Ник автоматически щелкнул выключателем и убедился, что электричества и в самом деле нет.

— Ты... — довести фразу до конца он не успел, застыл с открытым ртом.

Из темного неба над площадью Мира к земле метнулось нечто бликующее, продолговатое. Исчезло из виду, и над городом с грохотом и ревом, с дребезжанием оконных стекол поднялся еще один столб огня!

Рядом, несколько сот метров, если по прямой!

Кот заорал, принялся выдираться из рук хозяина, так что пришлось его отпустить.

— Мама? Папа? — голос сына прозвучал для наполовину оглохшего и ослепшего Ника очень тихо, хотя Алекс вошел на кухню и стоял в каких-то трех шагах, испуганно прижав к груди кулачки.

— Все хорошо, дорогой! Все хорошо! — жена метнулась к нему, обняла, хотя и дрожащий голос и суетливые, нервные движения выдавали, что она успокаивает не столько ребенка, сколько себя.

— Почему нет света? — спросил Алекс.

Десять лет пацану, и разговаривать с ним не только можно, но и нужно как со взрослым.

— Отключили, — сказал Ник. — Скоро включат обратно.

— А почему шум?

— Вот я не знаю, сын, но собираюсь узнать, — он снова выглянул в окно.

На площади Мира что-то горело, пусть не так масштабно, как вдали, но тоже впечатляюще.

— Так, Алекс, шагай обратно в спальню и проследи за сестрой, — голос Анны отвердел; она выждала, пока сын уйдет, и поинтересовалась. — Что ты задумал?

Ник ответил негромко:

— Там может быть нужна помощь, и лишняя пара рук не помешает.

— Да ты с ума сошел! На улице наверняка опасно! И есть пожарные, наконец! Прекрати эти глупости!

— И надо же разузнать, что творится? Сидя дома, этого не сделаешь.

— Но есть же телефон, можно позвонить! — она почти кричала. — И у тебя дети! Неужели ты забыл?

— А ты уверена, что он работает? И да, у нас дети. Не стоит пугать их. Тише.

Анна отступила на шаг, прижала руки к груди таким же жестом, как Алекс.

Да, она любила изображать, что верховодит в семье, даже порой шутила, что муж у нее подкаблучник. Но в то же время прекрасно знала — в серьезных делах он все решает сам и вмешательства не потерпит.

И всегда чувствовала момент, когда надо уступить.

— Наверняка Младшая сейчас проснется, — сказал Ник, подходя к жене и обнимая ее. — Оставайся с ними. Ну а я буду осторожен, честное-пречестное слово.

***

Улица, по которой ходил каждый день, без привычного освещения выглядела странно. К счастью, начинало понемногу светать, неохотно открывало глаза мозглое осеннее утро.

Ник проверил машину, убедился, что та в порядке, и вынул из кармана мобильник. Но увы, ничего не изменилось: та же надпись «Нет сигнала» на экране и полное отсутствие каких-либо сетей при попытке отыскать их вручную.

Ничего, связь может вернуться в любой момент.

Донесся рокот, через мгновение стал оглушающим, и над самыми крышами пронесся вертолет. Пролетел слишком быстро, чтобы можно было разглядеть его

очертания, но Нику показалось, что машина военная и что на пилонах под ее брюхом висят ракеты.

Ушел в сторону Святополкова холма, и там загрохотало, засвистело, завывало!

Божья мать, что творится?

Ник миновал круглосуточный магазинчик, где торговали вьетнамцы, свернул, потом еще раз, и оказался на площади Мира. И тут он не сдержался, выругался в полный голос, да так, как не позволял себе очень много лет.

Церковь в центре площади лежала в руинах, устояла только башня с огромными часами, и ее окутывал дым. Ну а один из домов, расположенных по соседству с метро, горел, полыхал, точно облитый бензином стог, пламя рвалось из окон, облизывало стены!

Сирен пожарных меж тем слышно не было.

— Чего там творится? — спросил выглянувший из ближайшего подъезда мужчина лет тридцати, заспанный, с рыжими растрепанными волосами.

— Если бы я знал... — отозвался Ник, и заторопился через площадь.

Фиг с ней, с церковью, там никого быть не должно, но вот людям в горящем доме надо помочь!

Полуразрушенный храм обогнул по дуге, оказался в крохотном сквере, где уцелела едва половина деревьев. Сверху обрушился нарастающий свист, и Ник невольно пригнулся, завертел головой.

Увидел нечто округлое, темное, похожее на летающую тарелку из голливудского фильма. Увязавшийся следом рыжий завопил от страха и удивления, а странная штуковина прошла над их головами, с лязгом приземлилась на мостовую, проминая асфальт.

В боку ее открылся люк, по выдвинувшейся лесенке побежали люди в черных комбинезонах, вооруженные

странными автоматами, что больше напоминали игрушечные.

— Божья мать... — пробормотал Ник, останавливаясь и начиная пятиться.

Не хватало еще оказаться в центре операции против террористов...

Но что за круглая хрень, на которой прилетели эти типы?

Один из людей в черном повернулся в их сторону, вскинул оружие.

— Что вы делаете?! — закричал рыжий. — Мы же свои!

Ник же бросился в сторону, нырнул под прикрытие одной из уцелевших лавок. Короткий твякающий звук перекрыл гул пожара, и недоуменный вопль захлебнулся, сменился булькающим хрипом.

Что-то свистнуло над самым ухом Ника, щелкнуло по спинке лавочки, а он уже лежал на земле, прикрыв затылок руками. Вывернув голову, увидел, что рыжий валится назад, а по груди его расползается пятно, в тусклых лучах рассвета кажущееся черным.

Нет, тут не операция против террористов, тут что-то иное...

Но что?!

На миг Ник буквально заледенел от страха, а затем пополз в сторону храма... подальше от людей с оружием, туда, где дым и деревья скроют его от чужих взглядов, и можно будет встать на ноги, чтобы убежать.

Пусть воюют те, кого для этого готовили, а он...

Оглушающее стрекотание заставило Ника вжаться в землю, вцепиться в нее как в спасательный круг. Рядом что-то взорвалось, горячая волна прокатилась у него по спине, в уши кольнуло, а потом звуки вовсе исчезли.

Подняв голову, обнаружил, что прямо на него бегут люди с оружием...

Надо было удирать, спасаться, но сил не нашел даже на то, чтобы закричать.

Но потом Ник сообразил, что люди одеты в знакомую форму цвета хаки, вооружены привычным образом и стреляют куда-то в ту сторону, где осталась летающая штуковина.

Один присел на корточки рядом с ним, потряс за плечо, что-то спросил...

Ник сморщил лоб, пытаясь разобраться, что от него хотят, и скривился, когда звуки вернулись — выстрелы, гудение пламени, рев моторов и человеческие голоса, отрывистые, сердитые.

— Вы в порядке? Не ранены? — спросил солдат в хаки.

— Нет... — отозвался Ник, поправляя съехавшие очки. — А что...

Довести вопрос до конца не успел, его собеседника отшвырнуло в сторону, и он остался лежать, точно сломанная кукла, с неестественно вывернутой шеей и искаженным лицом.

Дрожа от страха, Ник шлепнулся на живот и пополз дальше.

Бой, настоящая война, в самом центре Европы, в столице мирной процветающей страны!

Бред! Глупая фантазия! Кому здесь с кем сражаться?

Соседи числятся в союзниках, да и не нужна их небольшая держава никому!

Но над головой Ника свистели пули, он слышал взрывы, а на площади Мира лежали тела. С одной из боковых улочек выруливал, безжалостно распихивая запаркованные автомобили, бронетранспортер, за ним лязгал гусеницами угрожающе огромный танк.

Надо поскорее убираться отсюда...

Ветер принес облако дыма, и Ник закашлялся, содрогаясь всем телом, пряча лицо в ладонях. Глаза за слезились, и некоторое время он двигался вслепую, пока не наткнулся на очередной труп.

Не сразу понял, что это, просто рука уперлась в теплое и мокрое.

Подняв голову, обнаружил, что трогает лицо молодого парня в военной форме и сдвинутой каске — прямо под ней, на переносице темнело отверстие, из которого сочилась кровь.

Ник отдернул руку, внутренности будто завязались в огромный узел, к гортани подкатила кислая волна. Повернулся в сторону, чтобы не видеть мертвеца, прижался щекой к холодной и влажной земле.

И увидел пистолет, наверняка выпавший из руки убитого.

Тот выглядел тяжелым и опасным, накладки на рукоятке были черными, блестели металлические бока.

Справившись с тошнотой, Ник воровато оглянулся, чтобы убедиться, что рядом нет никого. Затем он потянулся к пистолету — если в его страну явился враг, то нужно вооружиться, нужно быть в состоянии защитить себя и семью. В тот момент такая мысль показалась вполне естественной, а сомнения насчет того, что он берет чужое — несущественными.

Сунув оружие за ремень, он пополз дальше.

Встать рискнул, только когда за его спиной оказалась громада храмовой башни. Бой остался позади, на другом краю площади и, судя по грохоту, разгорался с новой силой.

Мгновение Ник колебался, затем одернул куртку так, чтобы спрятать рукоять пистолета, и заспешил прочь.

Нет, пусть воюют, рискуют жизнями молодые, сильные и шустрые, те, кому за это платят, а у него семья, у него дети, о которых больше никто не позаботится.

Шагнув через порог квартиры, он закрыл дверь, привалился к ней спиной и закрыл глаза.

Крики умирающих, стрельба и грохот взрывов остались где-то далеко позади, так что даже можно поверить, что это ему привиделось, явилось в жутком кошмаре, и что сейчас он проснется...

— Ник? Что с тобой? — в голосе Анны звучала паника. — Ты ранен?

Нет, к сожалению, он сегодня уже проснулся.

— Нет, я в порядке, — Ник поднял веки, обнаружил, что жена стоит рядом и смотрит на него расширенными от ужаса глазами.

— Тогда что с тобой? Погляди на себя! Это кровь?!

Только тут он обратил внимание на отражение в зеркале — куртка измята, на штанах и на рукавах багровые и черные пятна, лицо чумазое, как у только что выбравшегося из забоя шахтера.

— Если и кровь, то не моя, — сказал он. — Спокойнее, не кричи. Я не ранен.

Она подскочила, обняла крепко-крепко, всхлипнула раз, другой.

— Что там такое? — спросила тихо-тихо, но с теми же надрывными нотками.

— Там... — Ник замялся. — Небезопасно.

— Папа вернулся? — в прихожую заглянула Младшая, трехлетняя копия матери, те же огромные синие глаза, светлые волосы; в руке — любимая кукла, такая же нечесаная, как и хозяйка.

— Да, — сказал он. — Я вернулся к тебе, малышка.

— Что там грохочет?

— Это такая гроза, маленькая, — Ник аккуратно отстранил жену, подошел к дочери, опустился на корточки. — Без дождя. Из-за нее ты не пойдешь в садик, останешься дома. Мы все сегодня останемся дома.

***

Про пистолет Ник жене не сказал, спрятал его в кабинете, сунул под папки в одном из ящиков стола.

Потом, не тратя времени на переодевание, побегал в магазин к вьетнамцам. Вернулся, сгибаясь под тяжестью плотно набитых пакетов — вода в бутылках, печенье, шоколадки, консервы, то, что может храниться несколько дней безо всякого холодильника.

Дома выяснилось, что дали свет.

Но сотовая связь не вернулась, и проводной телефон, реликт прошлого века, глухо молчал. Подключиться к Интернету не удалось, а телевизор по всем каналам показывал лишь помехи.

Анна попыталась на смартфоне найти какое-нибудь радио, но эфир оказался пуст, как пару веков назад.

— Так, ничего себе, — сказала она, закусив нижнюю губу. — Как такое может быть?

— После того, что я видел сегодня, я уже ничему не удивляюсь, — буркнул Ник. — Ладно, пойду я, делом займусь...

Он к этому моменту начал успокаиваться, и знал, что работа поможет окончательно прийти в норму, забыть о том, что пережил утром.

Не так давно ему заказали предисловие к новому изданию классического «Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft» Мейера-Любке, и сдать его надо до конца недели...

Закрыв за собой дверь кабинета, он опустился в кресло и включил ноутбук.

Нужно забыть о стрельбе, о трупах на улице, сосредоточиться на тексте, представить, что сегодня обычный день, только он почему-то не поехал в университет, да и жена осталась дома, с детьми...

Вон их приглушенные голоса доносятся из коридора... и музыка, да.

Коллекцию испанской и латиноамериканской попсы Анна начала собирать еще во времена пластинок, затем перешла на кассеты, аудио и видео, а в новом веке — на компакт-диски. В большом шкафу, что стоял в гостиной, было все, от Хулио Иглесиаса до саундтреков к второсортным мексиканским и аргентинским сериалам.

Вот и сейчас она, чтобы успокоить нервы, поставила что-то заунывное про несчастную любовь.

Ник потерял лоб, скользнул взглядом по полкам, где тесными рядами стояли книги, его верные друзья со студенческих времен... «Словарь авторитетов» Испанской королевской академии, полное издание в шести томах, «The Syntax of Castilian Prose» Кенистона, «Эмилианские глоссы», «Орфографические и морфологические нормы галисийского языка», «Dialogo de las lenguas» Вальдеса...

Так, нужно открыть файл и посмотреть, где он оставался.

Ага, вот оно...

«Язык придает форму сознанию, и тем самым фактически создает то, что мы именуем разумом. Кроме того, он позволяет свести бесконечность явлений внешнего мира к конечному числу знаков-слов, и тем самым делает мир хоть немного, но познаваемым...»

Дальше можно будет кратко упомянуть о структуре языка, скажем, в понимании де Куртенэ: словарь, фонетическая система и грамматическая форма... А затем вывернуть собственно на содержание труда Мейера-Любке, указав на его значение в контексте общего языкознания...

Пальцы сами забегали по клавиатуре, по экрану заструились цепочки слов.

Ник так глубоко ушел в собственные мысли, что для него перестало существовать все остальное: музыка и крики играющих детей, и даже воспоминания о том, что он видел и пережил сегодня утром, и беспокойство по поводу того, что в городе творится нечто не совсем обычное...

Идеальное бомбоубежище ученого — его собственный разум.

Вздрыгнул, когда в сознание ворвался какой-то новый, посторонний звук. Сообразил не сразу, что тот доносится из-за окна, и несколько мгновений недоуменно смотрел туда, где колыхалась штора.

— ... ПОКОЙ! SEGODNYA BYT ZHILIZCHE! ZAVTRA BYT OBYCHNO! SOHRANAT ПОКОЙ! ZHITELI... — ревел с улицы механический, какой-то неживой голос, и к нему примешивался громкий лязг.

Ник встал, подошел к окну и замер с поднесенной ко лбу рукой.

По их тихой, обсаженной липами улице ползла машина, похожая на боевого робота из старого кино — гусеницы на расположенных треугольником катках, черный металлический корпус, из него выпирает цилиндр, усаженный антеннами, динамиками и кривыми штырями, напоминавшими гнилые зубы.

— ZHITELI GOROD! SOHRANAT ПОКОЙ! — гроыхала она, заставляя дрожать стекла.

— Ты слышал это? — спросила заглянувшая в кабинет Анна.

— Как не слышать? — Ник закончил жест, потер лоб. — Но что это значит?

— SEGODNYA BYT ZHILIZCHE! — машина-транслятор свернула за угол, и ее голос начал понемногу затихать. — ZAVTRA BYT OBYCHNO...

— Кто-то приказывает нам сегодня оставаться дома, а завтра вести себя как всегда? — продолжил он раздраженно. — Кто-то, отвратительно говорящий на нашем языке? Но кто?

— Мне кажется, у нас в стране новая власть, — тихо и мрачно сказала Анна.

Она исчезла, но через мгновение вскрикнула, удивленно и немного испуганно, и позвала мужа.

Прибежав на кухню, он обнаружил, что супруга замерла перед телевизором.

— SOHRANAT POKOI! — звучал из динамиков тот же синтезированный голос. — ZHITELI GOROD! BEZOPASNOST! OSTAVATISYA DOMA! SEGODNYA MY NAVODIT PORIADOK BYSTRO! ZAVTRA BYT OBYCHNO! NOVYIE PRAVILA OBIAVLIAT!

Здесь сообщали больше, чем с помощью едущего по улицам робота-транслятора. Но обходились точно так же одним звуком, экран целиком занимала незнакомая заставка — шар, сплетенный из полос серебристого металла, и над ним нечто вроде черной короны.

— И по другим каналам то же самое, — проговорила Анна, нажимая кнопку на пульте.

— «Наводить порядок быстро», — буркнул Ник. — Нас оккупировали? Но кто? Злобные русские в силах тяжких? Или еще более злобные исламские террористы? Но как они оказались в центре Европы в таком количестве?

— Мне кажется, это что-то другое, — голос жены звучал непривычно тихо и робко, намекая, что она испугана до смерти.

Ник хотел возразить, сказать, что она несет чепуху, но сдержался.

И в самом деле, похоже, что легли они спать в независимой стране, а проснулись уже на оккупированной территории, хотя пока не очень понятно, кем и с какой целью оккупированной...

И с этими новыми реалиями придется как-то жить.

До вечера связь так и не заработала, не ожил Интернет, а телевизор намертво залип все на том же объявлении. Робот-транслятор проехал под окнами несколько раз, и в конце концов даже дети перестали обращать на него внимание и пугаться «ненастоящего», как сказала Младшая, голоса.

Утром ситуация не изменилась, разве что текст объявления стал другим.

Неведомый захватчик, используя тот же ломаный язык, приглашал горожан вернуться к обычной жизни.

— Я поеду в университет, — сказал Ник после того, как они позавтракали.

— Может быть, не стоит? — возразила Анна. — Там наверняка опасно.

— Вряд ли.

Стрельбы он не слышал со вчерашнего утра, взрывов больше не звучало, даже дым пожаров исчез, как и всякая летающая техника, так что небо выглядело чистым и не по-сентябрьски голубым...

— Кроме того, надо все-таки разузнать, что происходит в городе, — добавил он. — Закупиться продуктами, наконец... Того, что я вчера приволок, надолго не хватит... Сколько можно консервы лопать?

На это она не нашла что возразить, лишь тяжело вздохнула.

— Я буду осторожен, — сказал Ник, вставая из-за стола. — Честное-пречестное слово.

***

К его удивлению, на площади Мира все оказалось почти как обычно, если не считать разрушенной церкви и закопченных руин там, где еще позавчера стоял дом. Пешеходы, хоть и немногочисленные, торопились к метро, машины аккуратно лавировали, объезжая свежие выбоины на мостовой.

Но никаких тел, что должны остаться после боя, никаких танков и БМП.

Новые хозяева города, кем бы они ни были, в самом деле «наводят порядок быстро».

Но затем он миновал разрушенное до основания Министерство обороны, и понял, что так жарко пылало тут вчера утром. Вынужден был свернуть к обочине, когда выяснилось, что очередной робот-транслятор пилит навстречу, не забывая сотрясать воздух безграмотными призывами.

Когда он проезжал мимо, Ник впервые получил возможность посмотреть на машину с близкого расстояния: красивший эту штуку человек был слепым или не различал оттенков черного, ну а кроме того очертания каждой детали, начиная от колес, выглядели непривычными, чуждыми, какая-то неправильность читалась в пропорциях.

На набережной попал в затор, вызванный тем, что одну полосу загородил рухнувший вертолет, обгорелый, уродливый, совсем не похожий на стремительный хищный силуэт в небе...

Пока стоял, ожидая своей очереди, по встрече прокатило нечто длинное, остроносое, похожее на маленький линкор из черного металла, поставленный на колеса. Промчалось, обдав горячим, раздражающим запахом, промелькнули агрессивно выпирающие из гладких боков стволы.

Ну а потом Ник запарковался во внутреннем дворе университета и ощутил себя в безопасности.

Первым делом заглянул на кафедру, но обнаружил там лишь секретаршу.

Она ничего толком не знала, но начала торопливо рассказывать, что у них в Седлеце вчера было тихо, зато севернее, там, где располагается база НАТО, стрельба и взрывы продолжались целый день...

Выслушав ее, Ник покачал головой и собрался уже отправиться к себе в кабинет.

Но тут дверь открылась, и порог кафедры переступил Филипп.

— Доброе утро, — сказал он. — Вы здесь, профессор?

Высокий и жилистый, с вечной усмешкой на тонких губах, когда-то он был студентом и аспирантом Ника, а год назад защитил собственную диссертацию и остался работать на кафедре.

— Маришка, вы прекрасны, как никогда, — продолжил Филипп, улыбаясь секретарше.

Та зарделась, стрельнула глазками и уткнулась обратно в монитор.

Женщины от Филиппа млели, он же обращался с ними как гончар с глиной. Благополучно вертел матерью и двумя старшими сестрами, под опекой которых вырос без отца, и привык к тому, что все его капризы исполняются, что ему никогда и ни в чем нет отказа.

Из этого парня мог бы вырасти отличный ученый, если бы добавить серьезности и трудолюбия...

Но ночные клубы и вечеринки интересовали Филиппа сильнее, чем лингвистика.

— Привет, — сказал Ник, протягивая руку коллеге. — Не знаешь, что творится?

— А все очень просто, — объявил Филипп, подмигнув секретарше. — Инопланетяне! Явились из глубин космоса и нас оккупировали!

Профессор Юрачек, в этот миг вошедший на кафедру, недоверчиво хмыкнул.

— Не говори ерунды, — сказал Ник, хмурясь. — Кино надо меньше смотреть.

— А как иначе все объяснить? Вы же видели странные машины? Летающие? Гусеничные? Вы слышали, что хоть кто-то на Земле использует нечто подобное? — Филипп вошел в ораторский раж, бледные щеки его покраснелись, глаза заблестели. — Кроме того, кому по силам вот так с нахрапу захватить город посреди территории, контролируемой сильнейшим военным блоком планеты?

— Ну... — профессор Юрачек вновь хмыкнул, но на этот раз с сомнением.

— Я же говорю, инопланетяне! — воскликнул Филипп. — Будь захватчики людьми... Уж язык бы они выучили точно!

— Но зачем мы им? — вклинулась секретарша.

— О, они хотят захватить наши сокровища и изнасиловать наших женщин! — провозгласил Филипп с широкой ухмылкой.

От очередного приступа смущения девушку спас шагнувший через порог профессор Кваша из института фонетики.

Его институт принадлежал к тому же философскому факультету и располагался в том же Католическом кор-

пуге, что и кафедра транслатологии, на которой работал Ник, разве что находился этажом выше.

— Все в курсе, что происходит?! — заявил Кваша, задыхаясь и приквакивая от волнения. — Нас оккупировали! Город и окрестности захвачены чужаками! Нелюдьо!

Профессор Юрачек хмыкнул в третий раз, теперь смущенно.

— Не смотрите на меня так, я их сам видел! На мосту Легионеров столкнулся! Остановили наш трамвай! На нас похожи, только глаза черные, блестящие такие! Никакого зрачка! Они...

— Тихо-тихо, — вмешался Ник, положив руку на плечо разошедшегося коллеги. — Отставить панику. Рук у них две? Ног две? Голова одна?

— Ну, одна, да... — профессор Кваша недовольно затряс головой.

— Щупалец нет?

— Не видел! — огрызнулся преподаватель из института фонетики.

— Значит, это люди, — подвел черту Ник. — А что глаза...

— Да ты их просто не видел! — заорал Кваша. — А если бы увидел, то обосрался! Идиот! Нужно убираться из города немедленно, пока они нас всех не расстреляли! Вот увидишь, это будет хуже немецкой оккупации! Вы как хотите, а я уезжаю, немедля!

И, развернувшись, он ринулся к двери и исчез в коридоре.

— Что с Квашой такое? — спросила, заходя в комнату, профессор Штефанова. — Промчался, точно пуля...

— Переволновался, бывает, — сказал Ник, поправляя очки.

Нет, он не верил, что на берегах Дуная высадились гости из глубин Космоса — вздумай они и в самом деле

атаковать Землю, нашли бы множество целей куда более интересных, чем их город.

— Кваша прав, надо уезжать, — сказал Филипп. — У нас война, это-то бесспорно. Когда говорят пушки, такая хрень, как наука, не нужна никому, по крайней мере, лингвистика точно...

— Наука нужна всегда! — отрезал Ник. — Кто хочет дезертировать — на здоровье! Только я останусь и буду исполнять свой долг до конца!

— Но разумно ли это, когда в стране творится невесть что? — Юрачек нахмурился. — Телевизор не работает, со связью ерунда полная, есть ли у нас власть, совершенно непонятно...

— Власть меня интересует в последнюю очередь, — продолжил Ник, не сбавляя тона. — Зато меня интересует, получают ли студенты те знания, что они должны приобрести в стенах нашего университета! Желающие покинуть доверенную мне кафедру — прошу, на выход! Только учтите, обратно я никого не возьму! Ни при каких условиях! Ну? Вперед!

Никто не пошевелился, даже Филипп хоть и нахмурился, но отвел взгляд и с места не сдвинулся.

— Вот и отлично, — сказал Ник, позволив себе улыбку. — Работаем, коллеги... Понятно, что мы не инженеры и не можем изобрести новое оружие или что-то такое... Только ведь лингвистика имеет дело с языком, а без языка мы всего лишь бесхвостые голые обезьяны... Помните об этом...

***

На лекцию вводного курса для первокурсников народу пришло меньше, чем обычно, но больше, чем он ожидал, так что вещал не в пустоту.

Потом Ник заглянул на кафедру, забрал у секретарши пачку документов для изучения и отправился к себе в кабинет. Опустился в кресло и даже успел посмотреть проект сметы на следующий год, и тут в дверь постучали.

— Войдите, — сказал Ник.

Скрипнули петли, и в кабинет проскользнула невысокая изящная девушка, улыбнулась чуть нервно.

— А, Марта! — воскликнул он, чувствуя себя как всегда неловко под взглядом ярких зеленых глаз. — Заходи. Как поживают детерминативы имени в астурийском? Присаживайся...

Вчерашняя студентка, ныне его аспирант, несмело опустилась на стул.

— Поживают хорошо, — сказала она, теребя прядь каштановых волос за ухом. — Изучаю «Lletres asturianas» за последний год... Только вот... я... — девушка запнулась.

— Ну же, смелее, — сказал Ник, бросая мученический взгляд на украшавший стену портрет Яна Гебауэра.

Знаменитый лингвист ответил понимающей усмешкой.

Да, составлять грамматики славянских языков иногда проще, чем иметь дело с юными романтическими девами...

Нет ничего плохого в том, что ученица относится к наставнику с восхищением. Проблемы возникают, если она начинает смотреть на него как влюбленная женщина на мужчину.

Ладно бы Ник был холост, но он счастливо прожил с Анной более десяти лет и изменять ей не собирался.

— Я беспокоюсь, — выдавила, наконец, Марта, уставившись куда-то в колени.

— О чем?

— О вас! — Она подняла глаза, и Ник вновь отвел взгляд, на этот раз к окну, за которым виднелся Дунай и кусочек обрывистого берега на другой стороне, парк и беседка над откосом.

— Обо мне?

— Ну да... — Марта, наконец, собралась с духом. — Вы должны немедленно уехать! Здесь просто опасно!

— Тебя укусил профессор Кваша? — спросил Ник.

— Что?.. — На красивом личике появилась растерянность.

— Ничего.

— Вы должны немедленно уехать! — повторила она. — Вы слишком ценны для науки! Здесь стреляют, вы же слышали!

— Конечно, — сказал Ник, после чего повернулся к стоявшему на тумбочке кулеру. Зажурчала, забулькала вода, и он передал наполовину полный стакан девушке. — Держи. Выпей и успокойся.

Марта вцепилась в пластик так, что тот захрустел под ее пальцами.

— Никуда я ехать не собираюсь, — продолжил он. — Я понимаю, что обстоятельства... — отыскать нужное слово оказалось неожиданно трудно, — изменились... Как именно... Пока никто не знает.

— Но Чужаки!.. — существительное девушка произнесла так, что заглавная буква просто зазвенела в воздухе.

Ник вскинул ладонь, останавливая собеседницу.

— Университет не закрывался никогда, даже при Гитлере, даже когда тут шли бои. Наша кафедра в том числе. Так что я не собираюсь закрывать ее и сейчас. Понимаешь?

— Ну да... — протянула Марта, хотя было видно, что думает она несколько иначе.

— А кроме того, ты же не хочешь, чтобы мы своим дезертирством подали пример другим?

— Я не подумала... извините... — Ее щеки вспыхнули, глаза заблестели, в них появилось раскаяние.

— Так что оставь эти глупости и иди работай, — сказал Ник с улыбкой, чтобы девушка ни в коем случае не подумала, что он на нее сердится. — Астурийский детерминатив сам себя не опишет, и я не припомню, чтобы семинары как-то вот проводились без преподавателя...

— А «Логос», что с ним? — спросила Марта.

— Так, сегодня у нас вторник, четырнадцатое, — он побарабанил пальцами по столу. — Значит, собираемся в следующий понедельник, в шесть часов, в Богумиловой аудитории.

— Хорошо, спасибо, — девушка, все еще пунцовая, точно пион, неловко встала. — Извините... До свидания.

Клацнула закрывшаяся дверь, и Ник остался в одиночестве.

Пригладил волосы, бросил недоуменный взгляд на отражение в зеркале.

И чего она в нем нашла? Ладно бы был юный красавец, как тот же Филипп!

Так нет же, статью не вышел, физиономия самая обычная, кое-где обозначились морщины, да еще и очки, темные волосы понемногу редеют, а там, где все такие же густые, хватает седины...

Хотя кто этих женщин поймет?

Ник покачал головой, поправил стоявшую на столе фотографию матери, умершей семь лет назад.

Он каждый год ездил на ее могилу в маленьком городке, где когда-то родился, но в этом еще не успел, собирался в последние выходные месяца, а вот теперь неясно, получится или нет...

Но ладно, об этом можно размыслить позже, сейчас надо работать.

Вздохнув, Ник вновь принялся листать смету.

***

Из университета он ушел около пяти и отправился на площадь Республики, в «Котву», где обычно закупался продуктами.

Проезжая мимо Нового моста, обратил внимание, что на спуске с него возводят нечто из блоков грубого бетона: качали стрелами два крана, ревели моторы тяжелых грузовиков, бегали рабочие, цепочкой стояли люди в черных комбинезонах и глухих шлемах, все с «игрушечными» автоматами.

Чужаки? Ставят блокпост?

Но вглядываться слишком назойливо он не стал, добавил газу, с дрожью вспоминая вчерашнее приключение и думая, что одного такого хватит мирному человеку на всю жизнь. Не хватало еще, чтобы эти типы в черном приняли его за шпиона и начали стрелять!

Место для парковки, вопреки обыкновению, нашел легко.

Спустившись в продуктовый, занимавший цокольный этаж, обратил внимание на бледную физиономию охранника. А когда оказался между полок, с изумлением обнаружил, что многие из них зияют пустотой!

Успел сунуть в тележку пакет молока, как от входа донеслись топот и лязг.

— MESTO STOIAT! — громыхнул механический голос, от звуков которого хотелось съежиться и упасть на колени. — RUKI PODNIMAT! VSIO BROSAT! ESLI DVIGAT — STRELIAT! BYSTRO!

Обернувшись, Ник увидел, что охранник стоит, вскинув ладони, а рядом с ним топчутся несколько Чужаков с автоматами и вертит антеннами робот на гусеницах, вроде тех, что ездили по улицам, только меньше.

Один из людей в черном прохрипел что-то, и машина вновь заорала:

— MESTO STOIAT! RUKI PODNIMAT! ESLI DVIGAT — STRELIAT!

Ого, так это еще и переводчик на колесах?

Но почему такой хреновый?

А обладатели черных комбинезонов и глухих яйцеобразных шлемов шагали по проходам, сметая с полок в тележки все подряд, крупы и растительное масло, колбасную нарезку и чай в пакетиках.

Когда двое из них оказались рядом с Ником, он сообразил, что оба выше него на голову и много шире в плечах. Глухие шлемы напомнили ему о «Звездных войнах», а сапоги до колен об офицерах девятнадцатого века, о тех временах, когда благородные вояки передвигались верхом.

Интересно, как профессор Кваша разглядел их глаза, ведь сквозь забрало ничего не видно?

Передний из Чужаков повернул голову в сторону Ника, и тот спешно вскинул руки. Гигант с автоматом подошел ближе, поднял оружие, нацелив его человеку в живот, и заговорил — из-под шлема донеслись отрывистые, резкие звуки.

Ничего подобного Ник раньше не слышал.

Лингвисту положено знать несколько языков...

Как спец по иберско-романским он так или иначе имел дело со всеми наречиями региона, от известных каждому испанского и португальского до экзотики вроде аранского или сефардского. Кроме того, свободно говорил на русском и английском и знал по дюжине

фраз еще на нескольких, в том числе на венгерском и баскском.

Но здесь звучало что-то совсем не индоевропейское, и даже не азиатское.

Из лингвистических мыслей Ника вывел жестокий тычок прикладом в живот. Захрипев, он согнулся и отлетел назад, спиной врезался в холодильный шкаф и свалился на четвереньки.

Подняв лицо, обнаружил, что дуло автомата едва не упирается в лоб.

Чужак пролаял что-то злобное, а потом, видимо, сообразил, что собеседник его не понимает. Рука в черной перчатке взлетела к шлему, послышался щелчок, и забрало поехало вверх.

Открылось бледное, идеально правильное лицо, и Ник задохнулся от удивления.

Просто забыл, как дышать!

Перед ним стоял не человек, пусть даже с двумя ногами, двумя руками и одной головой...

Глаза Чужака и вправду были сплошь черными, напоминали мерцающие шарики из обсидиана. И еще их насчитывалось три, третий, чуть меньшего размера, располагался над переносицей.

Об этом профессор Кваша то ли забыл упомянуть, то ли не успел.

Ник сглотнул пересохшим горлом, понимая, что его сейчас, скорее всего, убьют. Просто за то, что он не выполнил приказ, отданный на неизвестном ему языке, вообще не понял, чего от него хотят.

Но тут заговорил второй Чужак, оставшийся рядом с тележками.

Гиганты в черном обменялись несколькими фразами, затем тот, что ударил Ника, вернул забрало на место и отвернулся. Через миг они зашагали дальше,

методично опустошая холодильники с мясом и рыбой, а следом двинулись еще двое, забирая все, что осталось.

Ник сел, ощупав живот, убедился, что там набухает синяк.

— MESTO STOIAT! ESLI DVIGAT — STRELIAT! — продолжал надрываться робот-переводчик.

— Кто вы такие?! Как вы смеете?! — донесся истеричный голос из хлебного отдела. — Я буду...

Выстрел прозвучал негромко, точно щелчок игрушечного кнута, и голос смолк.

Встать Ник не решился, вдруг резкое движение примут за попытку убежать? Руки все же поднял, да так и просидел до того момента, когда последний Чужак исчез за сходящимися дверями.

— Черт бы их побрал! — выкрикнул охранник с бесильной злобой. — Где все? Полиция, армия?

— Боюсь, что ни того и ни другого уже не существует, — сказал Ник, с кряхтением поднимаясь на ноги. — Добро пожаловать в новый мир... Вы заметили, что это не люди?

Голова немного кружилась, очень хотелось верить, что все ему примерещилось.

— Еще бы не заметить?! — в голосе охранника возникли плаксивые нотки. — Приходят третий раз за сегодня! Все вымели! И зачем я только на работу вышел? Проклятье! И вот теперь еще мертвяк... А как «скорую» вызвать, если телефон тю-тю?!

Не слушая его причитаний, Ник пошел между полок.

Да, по магазину словно пронеслась дикая орда из азиатских степей, оставила все, что ей самой не нужно, вроде стирального порошка или туалетной бумаги, а вот продукты забрала...

Кроме пакета молока, что так и остался в его тележке, Ник отыскал еще пачку макарон да пакет риса. Заглянуть в хлебный отдел, туда, где на полу в луже крови лежало женское тело, он не решился.

Заплаканная кассирша глянула на него как на сумасшедшего:

— Вы что, и вправду собираетесь платить?

— Ну да...

— Да забирайте так! — она махнула рукой. — Кто это заметит, кто будет считать? После такого-то?

***

На улицу Ник вышел, ощущая себя так, словно поучаствовал в грабеже.

Успел еще увидеть, как Чужаки загружают продукты в кузов длинной бронированной машины вроде той, какую встретил утром на набережной. Прямоугольный люк захлопнулся, не оставив даже шва, мягко загудел мотор, и тяжелая громада рванула с места.

Ник дождался, пока она исчезнет из виду, и лишь затем пошел к автомобилю.

То, что он добыл вчера, они съедят за один-два раза, а значит, надо ехать в другой магазин. Куда-нибудь поближе к дому, подальше от центра, куда не добрались еще увлекшиеся конфискациями гиганты в черных комбинезонах.

Ник ехал мимо вокзала, когда навстречу попался очередной робот-транслятор. Свернул к обочине, едва завидев его тушу на гусеницах, и краем глаза заметил движение слева, в стороне от дороги.

С изумлением увидел, как из сквера перед вокзалом, из густых зарослей сирени появились трое в камуфля-

же. Двое вскинули автоматы, третий положил на плечо нечто вроде длинного черного тубуса.

Пули зацокали по гладким бокам робота, из «тубуса» сзади вырвался сноп огня.

— SOHRANIAT SPO... — машина Чужаков осеклась на полуслове, окуталась дымом, ее подбросило.

Через мгновение она лежала на боку, бессильно вращая гусеницами.

— Смерть врагам! — заорал один из людей в камуфляже, победно вскидывая руки.

По ушам ударил громогласный свист, и над зданием вокзала появилась летающая округлая штуковина вроде той, какую Ник видел вчера. Люди в камуфляже метнулись прочь, наискось через улицу, закладывая петли, точно зайцы, а за ними из земли и асфальта начали вздыбливаться два ряда дымных фонтанчиков.

Тот, что был с «тубусом», споткнулся, замешкался, и тут же спина его будто взорвалась. Полетели в стороны ошметки плоти, обломки костей, так что Ника едва не стошнило прямо на руль.

Он торопливо отвел глаза, но почти сразу посмотрел обратно...

Один из выстрелов с летающей штуковины угодил в припаркованную машину. Капот промялся со скрежетом, осколки стекла брызнули словно капли, и тут же упал второй из людей в камуфляже, схватился за окровавленную ногу.

Третий остановился, дал очередь в сторону летающего аппарата Чужаков.

— Будьте вы прокляты! — заорал он.

А затем его отшвырнуло назад, и он сполз по стене, оставив на сером камне алые мазки. Раненый в ногу сумел еще приподняться, но затем дымные фонтан-

чки заплясали вокруг него, и там, где только что был человек, осталось кровавое месиво.

Ник, к счастью, успел открыть дверцу, так что вырвало его на асфальт.

Божья мать, что за существа могут вот просто так убивать других?

Хотя мы, люди, если подумать, ничуть не лучше...

Летучая тарелка прошла над дорогой, затем поднялась и рванула на север. Дрожащей рукой Ник захлопнул дверцу, и некоторое время сидел, тупо глядя перед собой, пытаясь собраться с мыслями.

Никогда не мог представить, что увидит столько жутких смертей за один день!

И не в кино, а живую!

Затем взгляд его упал на транслятор, что все так же лежал на боку и дымился. Мелькнула мысль, что вряд Чужаки оставят его так валяться, что сюда вот-вот явится группа трехглазых амбалов с оружием.

А это значит, что надо убираться.

Ник ударил по газам так, что мотор заревел, а шины взвизгнули, цепляясь за асфальт. Пронесся мимо поврежденного робота, и, уже сворачивая на перекрестке, обнаружил в зеркале заднего вида, что рядом с тем объявился черный «линкор» на колесах.

Смылся он очень вовремя!

На бешеной скорости, на какой никогда не ездил, промчался через город и затормозил на Коронной, напротив супермаркета. А зайдя внутрь, обнаружил безумную сутолоку, что бывает разве что накануне Рождества, когда все запасаются снедью на праздники, только еще круче.

В кассы стояли длинные очереди, корзинок не было вообще, тележка оставалась в гордом одиночестве.

Ник собрался взять ее за рукоять, когда его бесцеремонно отпихнули в сторону. Мужик пролетарского вида со следами многодневной пьянки на небритой физиономии насмешливо прохрипел:

— Извини, дядя, но мне эта штука нужнее... Поправить здоровье надо!

Ник щеголял очками, да и вообще по всем признакам был типичный интеллигент, но тут что-то сломалось у него внутри. Может быть, за два дня безумия он привык к постоянному насилию и сжился с мыслью, что оно теперь стало правилом, а может быть, вспомнил, что дома его ждут дети, и если он их не накормит, то не накормит больше никто.

Он не стал возмущаться, спорить, а просто ударил небритого по роже.

Пролетарий зашатался, потеряв равновесие, выпустил ручку тележки.

— Ты чего, дядя, оборзел? — выдавил он. — Да я тебе сейчас...

Ник уверенно и быстро, точно делал это каждый день, врезал небритому еще раз. Запястье дернуло болью, зато наглого мужика сбило с ног, так что он шлепнулся на бок.

— Ты чего? — загнусавил он снова, но теперь жалобно, прижимая ладонь к кровоточащему носу.

Ник, не обращая на него внимания, схватил тележку и двинулся в глубь магазина. Здесь полки тоже пусты, и без участия Чужаков; горожане, прослышавшие о конфискации, справлялись без чужой помощи.

Чтобы пробиться к мясному отделу, Ник вынужден был остервенело пихаться. Кусок сыра он забрал последний, ничуть не стыдясь того, что вырвал его у кого-то из пальцев. К консервам, за которые шла настоящая драка, он сунуться просто не рискнул.

А еще супермаркет гудел от слухов.

Тетки, набивая тележки и корзины, ухитрялись болтать.

— Это демоны вышли из ада за грехи наши! — вещала одна, истово крестясь. — Покаяться нужно!

— Демоны на машинах и с автоматами? — смущалась другая. — Это коммунисты!

— Говорят, они красивых девушек забирают и увозят в неизвестном направлении... — мечтательно шептала третья, несколько потрепанная жизнью и уж точно не красавица.

— Аэропорт уничтожили весь...

— Огромный корабль с неба спустился, весь круглый такой! Как в кино!

— Теперь еда только по карточкам...

— Они всю Землю уже захватили, и будем мы теперь рабами, как негры раньше. Закуют нас в цепи...

Ник слушал эту чухню и морщился.

Если Чужаки и вправду нелюди, если их глаза, рост и прочий экзотический антураж — не искусный фейк, то никто, даже обладатель самой необузданной, дикой фантазии, не в состоянии представить, что будет твориться в городе через месяц.

***

В квартиру Ник ввалился, сгибаясь под тяжестью плотно набитых пакетов.

— Так, явился? — воскликнула жена, выходя в прихожую. — А я волнуюсь... Представляешь, как непривычно, когда нельзя позвонить, узнать, где ты и что с тобой?

— Это верно, — Ник подвигал занемевшими пальцами. — Как дети? В порядке?

— Хорошо, — она улыбнулась. — Алекс рад, что уроки делать не надо, Младшая — что в садик не идти. Заходила Мария, ну, математичка молодая из нашей школы, сказала, что ее директор отправил всех оповестить... Занятий пока не будет, до конца недели точно... Пока не определится, что дальше.

Анна преподавала испанский в Первой гимназии и работу любила.

Ей-то дома сидеть куда тяжелее, чем детям, да еще и без возможности связаться с мужем.

— Папа! Папа пришел! — в прихожую выскочила Младшая, и Ник присел, чтобы обнять ее, поцеловать в щеку.

— Привет, маленькая, — сказал он, освобождаясь от ботинок. — Привет, сын.

Явившийся следом за сестрой Алекс ограничился кивком, после чего дети убежали к себе.

— Так, сигарет мне купил? — спросила Анна, и Ник про себя выругался.

В той давке, что царила в супермаркете, он вовсе про них запмятовал.

— Нет? — жена нахмурилась. — Но я же говорила, что они у меня заканчиваются! Чего ты вообще принес? — она нагнулась, заглянула в один пакет, во второй, в третий.

— Извини, дорогая, — сказал Ник. — Но в городе все не как обычно, если ты забыла. Магазины либо пустые, либо в них приходится врываться с боем...

— Как пустые? — она подняла на него недоуменные глаза.

— А вот так, — он дернул плечами. — Честное-пречестное слово.

Про столкновение с Чужаками и про бой у вокзала Ник упоминать не стал, понимая, что Анне таких под-

робностей знать ни к чему, и так она на взводе, а вот про драку в супермаркете не умолчал.

— Когда уходил, там ничего не оставалось, — сказал он в завершение. — Пусто. Дороги кое-где перекрывают, местами стреляют, за пределами города вообще неизвестно что творится, так что...

— Это как? Нет, не может быть... — пробормотала Анна, закусывая нижнюю губу. — Понятно, ты принес кое-что, — она нагнулась, вновь заглянула в пакеты один за другим. — Только нам этого надолго не хватит! Нас же четверо, и кот еще! Надо что-то делать! Немедленно!

— Погоди... — попытался вмешаться Ник, но жену понесло.

— Надо ехать в «Макро» или «Авион»! Немедленно! — закричала она. — Сейчас! Иначе мы начнем голодать! Уже завтра! Ты понимаешь, что это значит!? У нас дети!

Говорить, что поездка слишком рискованна, да и может оказаться бесполезной, смысла не было.

Он сделал единственное, что могло помочь, шагнул и обнял Анну, притянул к себе. Она забормотала приглушенно, всхлипнула ему в плечо, а он погладил ее по спине, приговаривая «тихо-тихо».

На душе было мерзко, одолевали страх и чувство бессилия.

Еще позавчера они находились в сытой, благополучной и стабильной реальности. Сейчас же очутились совсем в другом, жутком мире, где к тебе в окно запросто может заглянуть костлявый призрак голода...

Материалы дела 72/4, том 2, папка 7, файл 23.

Видеозапись телепередачи «Наука в лицах»,
телеканал «Просвещение».

Вышла в эфир 5 сентября в 22.00.